

DOI: 10.61484/29538181-ss.8.23-61

ДИССОЦИАЦИЯ ЛИЧНОСТИ В РАССКАЗЕ “ДРУГОЙ Я” ВАНЯ ВЭЙЛЯНЯ

Марианна Балоян

Ереванский университет «Айбусак», Чанчуньский университет,
Институт иностранных языков КНР
Принята к печати 10.07.2023

*Жизнь моя — сплошное бегство, и я утрачиваю
все и обращаю все в забвение или в того, другого.*

Борхес

Резюме. Рассматривается рассказ «Другой я» Ван Вэйляня, одного из современных китайских писателей, впервые переведенный на русский язык в 2017 году. В статье исследуется тема диссоциации личности, тема, традиционная для русской и европейской литератур XIX и XX века, показана в контексте Юнгианской теории архетипа Тени, показана преемственность этой темы в китайской современной литературе.

Ключевые слова: Китайская современная проза, диссоциация личности, Юнг, Гоголь, Достоевский, Ван Вэйлянь.

Цель настоящего исследования – показать преемственность западных литературных традиций в современной китайской литературе.

Актуальность работы состоит в необходимости повышения интереса к современной китайской литературе. К сожалению, проблема популяризации китайской литературы, в особенности современной, до сих пор существует, и массовый читатель знаком с произведениями лишь немногих писателей XX века: Лу Синя, Го Можо, Лао Ше и др. А имена писателей конца XX-XXI вв. ему вовсе неизвестны, хотя они пользуются большой популярностью в Китае.

Методом исследования явился метод сопоставительного анализа и синтеза, а также метод абстрагирования.

С целью межкультурного взаимодействия посредством литературы, ознакомления российских читателей с творчеством молодых китайских прозаиков, Институт Конфуция при Санкт-Петербургском университете совместно с Союзом писателей Китая начал переводить прозу китайских писателей 21 века. За последние 4-5 лет впервые была переведена на русский язык китайская проза конца 20 и начала 21 веков. Это сборники рассказов «Много добра и мало зла» (2013г), сюда вошли повести и рассказы писателей провинции Гуйджоу, «Красные туфельки» (2014 год) – китайская проза 21 века. Сборник примечателен тем, что рассказы принадлежат перу писателей преимущественно молодых, что в свою очередь ознаменует некоторое влияние западной литературы (многие из них учились за рубежом). В 2015 году были переведены рассказы писателей провинции Аньхой и издан сборник «Двойной зрачок», где переплетаются с одной стороны традиции и колорит Китая и общемировые тенденции литературы и культуры. Именно такое сочетание и отличает новейшую китайскую литературу, литературу молодых писателей. Такую тенденцию замечаем в следующем сборнике повестей и рассказов «Времена и нравы»

(2017г.) {1}, куда вошла проза гуандунских писателей, в них показано столкновение старого уклада жизни с вызовами нового времени. Гуандунская литература весьма разнообразна в силу внешних и внутренних торговых и культурных отношений, она испытала влияние как китайской, так и Западной литературы. В сборник вошли 15 повестей и рассказов, среди которых своей необыкновенностью привлек наше внимание рассказ Вана Вэйляня «Другой я». Автор повествует об одном особо ничем не запоминающемся писателе, написавшем роман «Внутреннее лицо», и с самых первых строк Ван Вэйлянь вводит читателя в таинственный мир двойничества: «Моя правая рука начинала ненавидеть левую, а левая, конечно же, еще больше ненавидела правую. Как же крепко меня связал этот черт!». В рассказе реальность сопряжена с абсурдом, стирается грань между явью и сном: «Мне казалось, что я сплю. Я потрогал пережатые запястья – кожа там пылала» {1}. Читатель попадает в некий мистический мир, в «чертовщину», в котором проглядывают тени Достоевского с его Голядкиным, Кафки и его Замка, Доктора Хайда и Мистера Джекила Стивенсона, Борхеса, Чака Паланика и Дэниеля Киза. Перед нами открывается картина «мира наизнанку» (Бахтин)

Мифологема двойника представляет собой постоянный сюжетный элемент мировой литературы, который на протяжении времени трансформировался, однако сохранил «первичный элемент», последнее Е.М. Мелетинский относит к сюжетным архетипам. Как известно, понятие архетипов в современную науку было введено Юнгом. Так Юнг выделял прежде всего архетипы «матери», «дитяти», «тени», «анимуса» («анимы»), «мудрого старика» («мудрой старухи»). «Тень» — это оставшаяся за порогом сознания бессознательная часть личности, которая может выглядеть и как демонический двойник. Исходя из вышесказанного, ссылаясь на юнгианскую теорию архетипа «тени», попытаемся проанализировать рассказ Вана Вэйляня «Другой я» и показать отражение в большей степени присущей русской и западной литературе темы двойничества и «бинарности мира» в творчестве современного китайского писателя. Двойник, тень или другое «Я» как порождение сознания героя рассказа впервые появляется уже в детстве его, в воспоминаниях 20-летней давности, когда он уезжал из родного поселка: «Я сидел в кабине водителя грузовика, перевозившего наши пожитки, мои дворовые приятели помахали мне рукой, и вскоре грузовик отъехал. Я ничего им не сказал. Когда машина заворачивала за угол, я увидел, что они уже продолжили играть во дворе, как будто бы ничего и не произошло. Тогда я не чувствовал утраты – я еще не знал такого чувства. В тот момент мне казалось, что я вовсе не уезжал, а оставался играть с моими приятелями, а тот я, который сидел в машине и уезжал, это будто и не я, а какой-то другой, совершенно неизвестный мне человек».

Тема двойника, согласно теории Бахтина, сопряжена с «карнавальностью» в литературе, вспомним встречу писателя с Лу Даошанем в ветхом кинотеатре забытого города и его таинственное из темноты появление в маске зайца. Но при внимательном анализе становится ясно, что кинотеатр есть бессознательное героя: «И пусть у меня были связаны руки, и пусть я ненавидел этого человека, но и тогда я не мог отказаться от его

предложения. Не знаю, то ли мое сердце вконец размякло, то ли меня подстрекал внутренний соблазн, но я шагнул через порог. Возможно, благодаря тому, что цинмачжэньский кинотеатр был наполнен обрывками моих детских воспоминаний, мой страх стал постепенно исчезать». А Дашань выкупил этот кинотеатр и приходит сюда, чтобы побыть в одиночестве, для него это особенное место, существующее будто вне времени. Итак, в своем воображении еще в детстве герой создал своего другого Я, трикстера, с обезображенным лицом «кожа была похожа на жженую белую слипшуюся резину, повсюду были складки и морщины, но не такие, какие бывают у стариков, – направление их было произвольным, и они изрезали лицо вдоль и поперек, словно у черта.» Заметим, что Лю Дашаня видел он всего лишь раз, в толпе дерущихся мальчиков, в момент, преисполненный крайнего возбуждения перед ним всплывает демоническое лицо Лю Дашаня. После этого случая о Лю Дашане он не слышал ничего. Такое появление антигероя напоминает Тайлера Дердена в «Бойцовском клубе» {2}, где Тайлер появлялся именно в момент физической и душевной слабости героя или же восемнадцатилетнего Аллена, мошенника и манипулятора, одного из двадцати шести лиц Билли Миллигана {3}. Так же как Тайлер у Паланика, так и у Ван Вэйляня Лю Дашань одолевает противников и исчезает: «И большими шагами он тотчас скрылся в толпе. ... В той стычке выиграла наша. Как именно мы выиграла, я не знаю, потому что в разгар драки я дезертировал» - фактически дезертирует Я-герой, появляется Я-антирогерой.

Вспомним в мировой литературе встречу двойников (черт и Иван Карамазов, Голядкин старший и Голядкин младший), у Вана Валяня читаем: «Скрепя сердце я зашел в комнату и сразу увидел того самого мрачного человека. Он был одет в черную суньятсеновку и ровно сидел на стуле прямо напротив меня». Назовем эту встречу по-юнгиански - «очной ставкой» с Тенью, встречей со своим темным Я.¹ Мелетинский же в своей работе отмечает появление двойника, как противоборства гармонии и хаоса, света и тени.

По сути, роман, написанный героем тоже о двойниках, о женщинах, одна из них находится на пике своей власти, другая – добрая и отзывчивая, но после перенесенного заболевания потеряла способность выражать эмоции с помощью мимики.

Попытаемся разобраться в причинах появления двойника. Юнг в «Символе и архетипах» пишет: «Тот, кто смотрит в зеркало вод, видит прежде всего собственное отражение. Идущий к самому себе рискует с самим собой встретиться. Зеркало не льстит, оно верно отображает то лицо, которое мы никогда не показываем миру, скрывая его за Персоной, за актерской личиной. Зеркало указывает на наше подлинное лицо ... встреча с самим собой принадлежит к самым неприятным. Обычно все негативное проецируется на других, на внешний мир». {4}

Об этом в сущности и душевные переживания Дашаня: «Я избегаю всех предметов, в которых могу отражаться – оконных стекол, витрин, металлических предметов, дисков, водной глади. Если у меня нет возможности избежать этого, я просто закрываю глаза. Я

---

¹ Юнг называл «очной ставкой» один из методов лечения невроза – встреча Я с Тенью, с самим собой.

прекрасно понимаю, что никто, включая меня, не в состоянии противостоять страху и ужасу, которые вызывает мое изуродованное лицо. Я ненавижу свою внешность. Я чувствую себя безумно одиноким» {1}.

Так из рассказа Дашаня о писателе, повествуемым им самим, мы узнаем, что герой учился в средней школе посредственно, затем поступил в университет, университет тоже был «так себе», окончив его, ему никак не удавалось найти работу, и после разговора с другом-философом о том, что внешность определяет судьбу человека и что с таким ничем не запоминающимся лицом он вряд ли себе найдет работу, ему надо заняться чем-то своим, например, писать, чем он и в последствии и занялся, в сущности писательское дело – это еще одно лицо. В личной жизни у него, как и у Дашаня были две девушки, но и в личной жизни он проигрывал Лю Дашаню. «Твое существование балансировало на грани. Ты кое-как мыкался по жизни, витая в мире грез, и все, что могло разбить твою хрупкую реальность, пугало тебя, как куст ворону» – резюмирует Лю Дашань. «Неприметное лицо» героя было лишено всякой индивидуальности. Обратимся к Достоевскому: «Я не только злым, но даже ничем не сумел сделаться: ни злым, ни добрым, ни подлецом, ни честным, ни героем, ни насекомым» [6, т. 5, с. 100]. Именно такой характер необходим, чтоб душа стала ареной борьбы добра и зла, космоса и хаоса. Разумеется, социальная среда дает толчки для этой борьбы, порождая унижения, обиды и компенсаторные мечтания.

Далее мы узнаем собственно историю Лю Дашаня, бросившего школу и уехавшего в город. В отличие от писателя и от своего брата Сяошаня, в жизни он добился многого, он разбогател, его любили женщины, но немаловажен тот факт, что он носил маску по образцу лица брата и снимал ее только в моменты гнева и когда ложился спать. Фактически Сяошань и Дашань – это тоже разновидность двойничества - так называемые внешние двойники или близнецы (Агранович и Саморукова относят этот тип к русскому типу двойничества) {5}. Итак, мы здесь обнаруживаем два типа двойничества: антагонист и близнецы. У Сяошаня и Дашаня кровное родство, они однояйцевые близнецы, у них одинаковые мысли, хоть и внешне крайне отличны: «я смотрю на Сяошаня и представляю, что он – это я, каким я должен был бы стать, каким я мог бы быть в реальности. Но все же, как бы мне ни хотелось, Сяошань – это Сяошань, а не я, Дашань». Наличие общих корней, каковыми может быть кровное родство, общее детство, общее тело (как у Джекила и Хайда или Тайлера и Джека), сходный социальный статус, возраст, является существенным и неотъемлемым признаком двойника-антагониста. У писателя и Лю Дашаня общее детство: учились в одной школе, кинотеатр у обоих это место, откуда можно вернуться в детство, где внешние проявления успешности теряют свою значимость «Здесь не существует моего лица, оно тут не имеет значения. Только здесь я могу почувствовать себя живым, почувствовать себя полноценным» {1} и, наконец, общие корни, правда опосредованно: «им (родителям) нелегко было воспитывать тебя, а ведь за последние годы ты ни разу не высылал им денег! Твой отец уже два года как на пенсии, им нелегко приходится. – Так ты еще про мою семью узнавал...» {1}; возможно, и общее тело у Дашаня и писателя.

Выдвинутая писателем концепция «внутреннего лица» сродни юнгианской теории архетипа Тени, человек в целом, без сомнения, хорош куда менее, чем он о себе думает или чем ему хотелось бы быть. Каждому из нас сопутствует в жизни Тень, и чем меньше она присутствует в сознательной жизни индивида, тем чернее и больше эта Тень. Если нечто низкое осознается, у нас всегда есть шанс исправиться. У Вана Вэйляня читаем: «это лицо намного ближе к моей истинной сущности, чем то, что мне было дано от рождения. ...Иногда мне кажется, что мое внутреннее лицо и есть то демоническое лицо и огонь просто помог раскрыть мой истинный облик». Но он не может преодолеть желание видеть себя, если не в зеркале, то в ком-нибудь, а кто может быть этим другим, как не писатель! Дашанем движет потребность быть понятым, избавиться от гнетущего одиночества, «стань мной!», - обращается он к писателю. Весьма показательно, что двойничество балансирует на грани смешного («Нос» Гоголя) и трагического, на грани жизни и смерти. Практически все литературные сюжеты о двойниках включают в себя мотив подлинной (трагической) или мнимой (смеховой) смерти одного из персонажей. Стать Дашанем означало иметь ту кажущуюся власть, которой обладал он, богатство, любовь женщин, но через саморазрушение – приобретение его лица. Так, паланиковскую идею саморазрушения обнаруживаем у Вана Вэйляня: «возможно, самосовершенствование — это еще не все. Возможно, саморазрушение гораздо важнее» {2}. В своей работе Мелетинский, разбираясь в архетипах, произведя краткий обзор некоторых архаических мотивов, указывает на систему двух ходов — действия и противодействия: во-первых, за попаданием во власть демона следует спасение от него, и во-вторых, попадание героя во власть демона и борьба с демоническими противниками. Но у Вана Вэйляня фактически отсутствует всякая борьба с Тенью, с демоном. И невольно возникают сомнения в подлинности Я-героя, на наш взгляд, происходит некая «подмена». Мотив «подмены» влечет за собой мотив «идентификации», «узнавания» (Мелетинский) {7} - выяснение того, кто есть истинный герой. Кто же из них Я-герой, а кто является другим Я, кто - космос, а кто - хаос? Борхесовское «переживание себя в другом» отразилось у писателя в идентификации себя с владыкой загробного мира Янь-Вана, а Дашаня с чертом, с подчиненным владыки. Пожалуй, ответ неоднозначен. «Спиноза мыслил, что сущее хочет всегда оставаться самим собою: камень хочет остаться камнем, тигр — тигром. Мне же надо быть Борхесом, а не собой (если вообще я был кем-то) {8}.

Идея двойничества, диссоциации личности, как прообраза, архетипа, в русской литературе начиная главным образом с Гоголя, получившая своего высшего развития у Достоевского и в западной литературе, является литературной традицией, прогрессирующей в 21 веке. Размноженность личности, или диссоциация, как мы показали в статье, заимствуется также китайской литературой 21 века. Возможно, объективно утверждение Юнга о том, что «западный человек живет в густом облаке фимиама, воскуряемого им самим так, что в этом дыму ему не разглядеть собственного отражения». {8}

Список литературы

1. Времена и нравы. Проза писателей провинции Гуандун. Новый век китайской литературы. С-Пб. Геден 2017г. <http://www.rulit.me/> дата обращения: 12.06.2023
2. Чак Паланик. Бойцовский клуб.//<https://reading-books.me/> дата 10.06.2023
3. Дэниел К. Таинственная история Билли Миллигана. М., Изд-во “Э”, 2017 640с.
4. Юнг Карл Густав Архетип и Символ// эл. ресурс.//http://gebo-kolo.com/images/-book/Carl_Gustav_Jung_Archetypes_and_symbols.pdf дата обращения: 14.-6.2023
5. Агранович С.З., Саморукова И.В. Двойничество. //эл. ресурс.//<https://knigogid.ru/books/819299-dvoynichestvo/toread> дата обращения: 09.06.2023
6. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 30 тт. Т.5.405 с.
7. Мелетинский Е.М. О литературных архетипах. РГГУ М.1994. 134с.
8. Борхес Хорхе Луис. Избранное. // <https://www.litmir.me/br/?b=243987&p=1> дата обращения: 10.06.2023.

Մարիաննա Բալոյան - ԱՆԶԻ ՏԱՐԲԱԼՈՒԾՈՒՄԸ ՎԱՆ ՎԱՅԼՅԱՆԻ «ԱՅԼ ԵՍ-Ը» ՊԱՏՄՎԱԾՔՈՒՄ: Հետազոտությունը անդրադարձ է կատարում ժամանակակից չինացի արձակագիր Վան Վեյլիանի «Այլ ես-ը» պատմվածքին, որն առաջին անգամ թարգմանվել է ռուսերեն 2017 թվականին: Հոդվածն ուսումնասիրում է անձի տարանջատման թեման՝ ավանդական թեմա 19-րդ և 20-րդ դարերի ռուսական և եվրոպական գրականության համար Յունգի Ստվերի արխետիպի տեսության համատեքստում և ցույց է տալիս այս թեմայի հաջորդումը ժամանակակից չինական գրականության մեջ:

Baloyan Marianna - DISSOCIATION OF PERSONALITY IN THE STORY “OTHER ME” BY WAN WEILIAN. The article considers the creation of Wang Weilian, one of the modern Chinese writers, which was first translated into Russian in 2017. Our attention was drawn to his story «The other me», where the motive of a «doppelganger» was reflected, topics, which are traditional for Russian literature of the 19-th century, that of Gogol, Dostoevsky, and Western literature of Stevenson, Borges, etc.

Keywords: Chinese modern prose, personality dissociation, Yung, Gogol, Dostoevsky, Wang Weilian.